

Потапенко Игнатий Николаевич

Записки старого студента

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
И26

И26 **Игнатий Николаевич П.**
Записки старого студента / Потапенко Игнатий Николаевич – М.: Книга по Требованию,
2024. – 262 с.

ISBN 978-5-519-79260-8

ISBN 978-5-519-79260-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

рость Чигринскій, то онъ и его причислилъ бы къ хламу: до того страненъ былъ внѣшній видъ этого человѣка.

Въ восемь часовъ вечера Чигринскій сидѣлъ на диванѣ, въ комнатѣ, окна которой выходили въ первый дворъ. Онъ усиленно кусалъ нижнюю губу, отъ времени до времени вытаскивалъ откуда-то, точно изъ глубины шеи, клочья волосъ, составлявшихъ его бороду, теребилъ ихъ въ разные стороны, запихивалъ себѣ въ ротъ и вообще обнаруживалъ всѣ признаки безпокойства. Онъ молчалъ, молчала также и хозяйка комнаты, Марья Петровна Лопатина. Она была не въ духѣ, испытывала нервную дрожь и постоянно куталась въ пледъ.

— Я не понимаю, — говорила она, — зачѣмъ вы здѣсь торчите? Если-бъ вы могли хоть слово интересное сказать, а то вѣдь вы молчите такъ же, какъ и я. Господи, какая тоска!

Чигринскій смотрѣлъ на нее съ отчаяніемъ. Съ нимъ это всегда случалось, что именно тогда, когда нужно быть умнымъ, онъ оказывался дуракомъ. Человѣкъ онъ былъ вовсе не глупый и при случаѣ могъ говорить интересно и даже остроумно. Но вотъ именно теперь, когда онъ много далъ бы за то, чтобъ Марья Петровна улыбнулась, въ головѣ его не оказывалось ни одной сколько-нибудь сносной мысли.

— Да вѣдь вы же всегда говорите, что я никуда не гожусь! — мрачно промолвилъ Чигринскій. — Это только лишнее доказательство.

— Ахъ, это меня очень мало утѣшаетъ!

Чигринскій казался несчастнымъ. Лопатина во обще не особенно жаловала его своею любезностью, но иногда ему казалось, — именно въ такіе моменты, когда у него въ головѣ оказывались мысли и онъ становился занимательнымъ, — иногда ему казалось, что она слушаетъ его со вниманіемъ и даже начинаеть относиться съ симпатіей. Но это случалось рѣдко; большею частью ей бывало съ нимъ скучно, и она искала другого общества.

А, между тѣмъ, Чигринскій съ каждымъ мѣсяцемъ замѣчалъ, что Лопатина все больше и больше привлекаетъ его къ себѣ. Она появилась на его горизонтѣ съ годъ тому назадъ. Въ первое время она показалась ему очень странной. Чрезвычайно живая, первная, она поражала своими неожиданными, нерѣдко казавшимися неловкими и безтактными. На нее иногда находило такое настроеніе, что она вдругъ начинала говорить всѣмъ то, что думала о нихъ. Выходило рѣзко и никому не нравилось. Наружность ея не представляла ничего выдающагося. У нея было маленькое лицо съ мелкими чертами; маленькіе глазки отличались живостью и переменчивостью выраженія, но, въ общемъ, въ этомъ лицѣ было что-то необыкновенно привлекательное, что-то задорное, интригующее. Вотъ на эту-то удочку и попался Чигринскій. Именно глаза ея заинтриговали его, а затѣмъ она начала интересоваться его все больше и больше.

— Слушайте, — сказала Лопатина, — я думаю, лучше будетъ, если вы уйдете къ себѣ.

— Что-жъ, если я вамъ такъ надоѣлъ...

— Ахъ, нѣтъ, не то... но мы съ вами оба пред-

ставляемъ двѣ такія мрачныя фигуры, что лучше намъ провести вечеръ врозь...

— Я уйду!—промолвилъ Чигринскій,—но вѣдь вы знаете, какъ мнѣ будетъ грустно... Вѣдь вы знаете...

— Ахъ, знаю, знаю, знаю!—нервно заговорила Лопатина:—такъ вѣдь это же ничего не помогаетъ. Вы влюблены въ меня, да? Ну, это глупо!

— Почему же глупо? — спросилъ Чигринскій.

— Да такъ, просто глупо, да и только! Вообще глупо быть влюбленнымъ. Это дѣтское занятіе...

Чигринскій всталъ и изобразилъ желаніе уйти. Въ это время въ передней раздался сильный звонокъ, потомъ по коридору зашлепала туфлями хозяйка, которая почему-то всегда была не одѣта и всю жизнь носила какіе-то ночные костюмы. Можетъ быть, это происходило оттого, что она ютилась въ темной дырѣ, гдѣ можно было поставить только кровать, а всѣ остальные углы отдавала жильцамъ. Еще минута — загрохоталъ болтъ у двери, и затѣмъ въ комнату протянулась рука, подававшая письмо.

Лопатина оживилась, вскочила съ мѣста, схватила письмо и съ радостнымъ крикомъ открыла его.

— Вотъ кстати! — уже совсѣмъ, совсѣмъ другимъ голосомъ воскликнула она. — Оказывается, что сегодня вечеринка... Ужъ я не знаю какая. Вотъ тутъ написано на билетѣ...

— Вамъ прислали билетъ? — спросилъ Чигринскій.

— Да, вотъ посмотрите.

— Кто же это?

Онъ спросилъ это съ какимъ-то новымъ оттѣнкомъ въ голосѣ: кажется, онъ ревновалъ Лопатину къ тому, кто прислалъ ей билетъ.

— Право, не знаю! — промолвила Марья Петровна, но при этомъ взглянула на него искоса и заставила усумниться въ томъ, что говоритъ правду.

— Значитъ, вы идете?

— Гм!.. Съ кѣмъ же я пойду?

— Да, это вопросъ! — промолвилъ Чигринскій и отвернулся.

Можетъ быть, онъ боялся именно тѣхъ словъ, которыя были тотчасъ же вслѣдъ за этимъ произнесены.

— Послушайте, вы должны идти!

— Я? — и онъ усмѣхнулся почти саркастически, причемъ этотъ сарказмъ, конечно, относился къ нему самому.

— Конечно, вы... Что-жъ тутъ удивительнаго? Вы всегда говорите о вашихъ чувствахъ, а не хотите проводить меня на вечеръ.

— Да видите-ли, Марья Петровна, чувства, это одно...

— А одолженіе другое?

— Ахъ, нѣтъ же, нѣтъ, вы меня не такъ понимаете, но...

Онъ замаялся. Рѣшительно ему трудно было объясниться. Но Марья Петровна требовала, чтобы онъ, во что бы то ни стало, имелъ съ нею. Тогда Чигринскій почувствовалъ рѣшимость напрямикъ сказать ей, въ чемъ дѣло.

— Слушайте, Марья Петровна, неужели вы думаете, что я могу проводить васъ?

— Почему же нѣтъ?

— Да вы взгляните на меня.

— Ну-те, я гляжу.

— Да вы присмотритесь хорошенько.

Марья Петровна подошла къ столу и взяла даже свѣчку и съ слегка комическимъ видомъ начала тщательно осматривать его. Вдругъ она разсмѣялась.

— Однако... Въ самомъ дѣлѣ! Но какъ это удивительно: я васъ знаю столько времени и никогда этого не замѣчала. Да, это невозможно!

— Вы не замѣчали оттого,—съ видимымъ смущеніемъ говорилъ Чигринскій,— что вамъ это еще ни разу не понадобилось. Какое же вамъ могло быть дѣло до моего костюма?

Да, только теперь Марья Петровна разглядѣла, во что былъ одѣтъ Чигринскій... Она знала, что онъ былъ очень бѣденъ, жилъ скудными уроками, но не подозрѣвала, что бѣдность его доходитъ до такой степени. Сюртукъ у него былъ до того потертъ и изношенъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ блестѣлъ, какъ хорошо вычищенный сапогъ. Подкладка изсѣклась, и кое-гдѣ концы ея, въ видѣ черныхъ нитокъ и тряпицъ, выглядывали изъ рукавовъ и изъ-подъ полы; крахмальная манишка, воротничекъ, манжеты — все это отстояло отъ стирки, по крайней мѣрѣ, недѣли на двѣ. Но самое ужасное, это были его узенькія, совершенно обтягивавшія ему ноги брюки, слипкомъ длинныя, внизу истертыя, оканчивавшіяся какой-то бахромой страннаго вида.

Съ глубокимъ смущеніемъ стоялъ передъ нею

Чигринскій и мечталъ о томъ, чтобы ему какъ-нибудь провалиться сквозь землю.

— Да, да, въ такомъ видѣ нельзя, конечно! — говорила Лопатина. — Но послушайте, я хочу пойти на вечеръ! Вы должны проводить меня.

— Марья Петровна, — отвѣчалъ Чигринскій, — вѣдь вы же знаете, какъ я хотѣлъ бы этого, вы знаете мои чувства...

— Ахъ, Господи! Зачѣмъ тутъ чувства! Тутъ надо сюртукъ и рубашку, а вы говорите о чувствахъ... Чтобъ пойти на вечеръ, вовсе не надо никакихъ чувствъ.

— Но что мнѣ дѣлать! Что-жъ я могу подѣлать? — восклицалъ Чигринскій.

— Почему же я знаю? Не могу же я доставать вамъ сюртукъ! Согласитесь сами, что это невозможно.

Чигринскій началъ задумчиво и нервно ходить по комнатѣ. Лопатина усѣлась за столъ, подперла голову руками и, видимо, испытывала страшную досаду. Его шаги раздражали ее, и она, сидя къ нему спиной и не подымая головы, нервнымъ голосомъ промолвила:

— Слушайте, если вамъ такъ ужъ очень хочется ходить, то вы можете дѣлать это въ своей комнатѣ.

Чигринскій остановился, скорбно посмотрѣлъ на нее, потомъ направился къ двери и вышелъ. Онъ прошелъ по темному коридору, въ которомъ горѣла прибитая къ стѣнѣ маленькая лампочка, дававшая, однако, очень много копоти и мало свѣта. Онъ вошелъ въ свою комнату и зажегъ свѣчу.

Здѣсь было очень трудно шагать, но все-таки онъ не могъ обойтись безъ этого. Онъ не могъ сидѣть или лежать на мѣстѣ, и его прогулка походила на какіе-то безумные прыжки: сдѣлавъ три шага въ одномъ направленіи, онъ долженъ былъ возвращаться.

„Странное существо женщина, — философски размышлялъ Чигринскій, — до какой степени она зависить отъ каприза, отъ случайности... Не будь этого билета, вѣдь она спокойно просидѣла бы весь вечеръ дома!“ Но затѣмъ онъ представлялъ себѣ Лопатину сидящую за столомъ въ той позѣ, въ которой онъ ее оставилъ; воображалъ, какое она переживаетъ негодование по отношенію къ нему, и ему казалось невозможнымъ оставлять дѣло въ такомъ положеніи. Онъ очень дорожилъ ею расположеніемъ. „Послѣ этого она меня совершенно возненавидитъ“, — съ отчаяніемъ думалъ Чигринскій.

Рядомъ, сквозь наглухо-запертую дверь, слышалось легкое похрапываніе. Сосѣдную комнату занималъ студентъ-техникъ, хохолъ, по фамиліи Булыга. Онъ уже дня два не выходилъ изъ комнаты. Булыга былъ очень мнителенъ и вѣчно воображалъ себя опасно-больнымъ; на этотъ разъ онъ схватилъ легкую простуду и, по обыкновенію, велъ себя такъ, какъ будто ему предстояла вѣрная смерть.

У Чигринскаго вдругъ мелькнула мысль попросить у него одежду. Онъ постучался въ дверь.

— А что вамъ? — болѣзненнымъ голосомъ отзывался Булыга.

— Можно къ вамъ зайти на минутку? — спросилъ Чигринскій.

— Зайдите.

Чигринскій быстро перебѣжалъ изъ своей комнаты въ сосѣдную. Булыга лежалъ на кровати, натянувъ на себя одѣяло до подбородка. На столѣ, стоявшемъ у изголовья, были какіе-то лѣкарственные пузырьки съ рецептами и горящая свѣчка.

— Какъ ваше здоровье?—спросилъ Чигринскій больше для того, чтобы какъ-нибудь обнаружить участіе и этимъ расположить Булыгу въ свою пользу.

— Скверно! — отвѣтилъ Булыга. — Кашляю. Должно быть, туберкулы...

— Слушайте, не можете-ли вы мнѣ сдѣлать одолженіе?

Булыга уже послѣ этихъ словъ посмотрѣлъ на него испуганными глазами. Дѣло въ томъ, что онъ былъ сравнительно съ другими порядочно обезпеченъ. Онъ правильно получалъ изъ дому деньги и могъ бы жить въ гораздо лучшей квартирѣ, но изъ экономіи поселился здѣсь. Чигринскій, положимъ, не любилъ брать займы, потому что не рассчитывалъ на исправную отдачу; но Булыгѣ было хорошо извѣстно, что у сосѣда никогда денегъ не бываетъ, поэтому онъ тотчасъ же заподозрѣлъ, что у него хотятъ просить денегъ.

— Охъ, знаете, я просто не знаю, что дѣлать,—сказалъ Булыга, желая напередъ отвести сосѣда отъ просьбы. — Вотъ уже недѣля прошла, какъ долженъ получить изъ деревни, а ничего не шлютъ...

— Пришлютъ!—успокоительно замѣтилъ Чи-

гринскій, — вамъ вѣдь всегда присылаютъ. Скажите, Булыга, вѣдь вы сегодня никуда не идете?

— Куда же я могу выйти? Развѣ что-нибудь экстренное?

— Ну, что же можетъ быть теперь экстренное, вечеромъ? Такъ, значитъ, вы никуда не ѣдете?

— Да что вамъ за дѣло до этого, ѣду я или нѣтъ?

— Да ужъ, значитъ, есть дѣло, коли спрашиваю. Тутъ, видите-ли, такое обстоятельство... Мнѣ надо пойти сегодня въ одно мѣсто... приличное... А костюмъ мой, сами видите, каковъ.

— Такъ вы хотите въ мой одѣться?

— Да, если вы позволите.

— Ну, знаете, я этого никогда не дѣлаю. Во-первыхъ, вы длинный, а я короткій.

— Да это ничего... Тутъ главное, чтобы тамъ, гдѣ полагается сюртукъ, былъ сюртукъ, а ужъ какой — это неважно...

— Нѣтъ ужъ, оставьте, пожалуйста! Терпѣть не могу, когда мои вещи кто-нибудь носить.

— Такъ не дадите?

— Нѣтъ.

Чигринскій ушелъ къ себѣ. Минутъ черезъ десять послѣ этого въ дверь его постучались, и затѣмъ раздался голосъ Марьи Петровны:

— Слушайте, Чигринскій, идите сюда.

Чигринскій побѣжалъ въ ея комнату.

— Мнѣ страшно хочется поѣхать, я должна пойти сегодня! Я бы сама пошла, но это ужасно далеко, я боюсь...

— Можетъ быть, я проводилъ бы васъ, а оттуда вы какъ-нибудь сами, что-ли...

— Нѣтъ! какъ же! А вдругъ я тамъ не встрѣчу знакомыхъ... Нѣтъ, вы ужъ лучше достаньте какъ-нибудь себѣ.

— Я просилъ Булыгу, онъ не даетъ.

— Ахъ, Булыга! Пойдите-ка, я у него попрошу...

— Не дастъ!..

— А, можетъ быть, и дастъ...

Марья Петровна въ этомъ случаѣ припомнила, что Булыга тоже не совсѣмъ былъ равнодушенькъ ея глазкамъ. Она отправилась къ его двери и постучала.

— Ахъ, ты, Господи! Да вѣдь я же сказалъ, что не могу!—крайне недовольнымъ голосомъ отзывался Булыга, повидимому, совершенно увѣренный, что это Чигринскій возобновляетъ свои домогательства.

— Послушайте, Булыга, это я! — промолвила Марья Петровна.

— Ахъ, вы? то-есть... Это вы? воскликнулъ Булыга и, несмотря на то, что дверь была затворена, изъ вѣжливости всталъ съ кровати.

— Ну, да, я! къ вамъ можно?

— Да, пожалуйста. Только у меня не совсѣмъ тутъ въ порядкѣ! Впрочемъ, ничего, войдите.

Лопатина вошла къ нему и тотчасъ же сдѣлала кислую мину отъ сильнаго запаха лѣкарствъ. Она не рассчитывала здѣсь долго оставаться и потому сразу сказала: